

ПОПЫТКА ПРИСВОИТЬ МИР: НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ И ДЕТЕЙ

ТАТЬЯНА СОЛОВЬЕВА
Литературный критик. Родилась в Москве, окончила Московский педагогический государственный университет. Автор ряда публикаций в толстых литературных журналах о современной

русской и зарубежной прозе. Руководила PR-отделом издательства «Вагриус», работала бренд-менеджером «Реданции Елены Шубиной». Главный редактор издательства «Альпина.Проза».

ДЖОДИ ЧАПМЕН, «ДРУГАЯ ЖИЗНЬ» («СИНДБАД»)

Герои романа «Другая жизнь» Ник и Анна встречаются в юности, работая в кинотеатре. Между ними завязываются отношения, которые, однако, приходится скрывать. Анна живет в очень закрытой семье, которая входит в религиозную общину со строгими правилами. Ей строго запрещено встречаться с посторонними — теми, кто не принадлежит к этому сообществу. Когда ей приходится выбирать между Ником и семьей, выбор делается не в пользу любви. Герои расстаются, чтобы встретиться снова спустя два десятилетия, два самых активных десятилетия человеческой жизни, время молодости, стремлений, надежд. Неизбежных ошибок. Встретившись снова и осознав, что чувства еще не угасли, герои неизбежно оглядываются назад и вспоминают. А вспомнить им придется многое: это роман об отношениях не только между возлюбленными, но и между родителями и детьми, о том, как часто события и реакции, которые взрослый быстро забывает, накладывают болезненный, травматический отпечаток на всю последующую жизнь ребенка. Если бы это был классический любовный роман в жанре фил-гуд, на новой встрече героев и их взаимном импульсе книга бы и закончилась. Но Чапмен создает гораздо менее шаблонный текст: встреча состоялась, чувства живы, второй шанс предоставлен, но перед нами герои, которым по сорок лет, за спиной у них изрядный багаж опыта и разочарований. Смогут ли они этим вторым шансом воспользоваться?

«Когда она привезла нас из цирка, мы с Элом съели за кухонным столом свои хеппи-милы и отправились спать. Переодевшись в пижаму, я немного посидел на лестнице, прислушиваясь к тому, как тетя моет посуду. Я просунул голову между перилами так, что они плотно сжали мне виски, зажмурился и представил, что это мама.

Она заглянула в гостиную, чтобы попрощаться с папой, а потом прошла в прихожую и сунула руки в рукава своего пальто.

Папа вышел следом, спрятав ладони в карманы. Я наблюдал за происходящим сверху, воспользовавшись тем, что на втором этаже у лестницы нет ни одного окна и можно прятаться от чужих глаз в полумраке».

ГЕОРГИЙ ВЛАДИМОВ, «ТРИ МИНУТЫ МОЛЧАНИЯ» («РЕДАНЦИЯ ЕЛЕНА ШУБИНОЙ»)

Н выходу фильма Бориса Хлебнинова «Снегирь» «Редакция Елены Шубиной» переиздает роман Георгия Владимова «Три минуты молчания», впервые опубликованный в журнале «Новый мир» за 1969 год. Георгий Владимов — автор не первого ряда по степени известности, но очень заметный, с широким писательским диапазоном. После выхода романа из печати на него обрушилось много отзывов, в том числе негативных: роман-параболу, прикидывающийся производственной литературой, поняли не все.

Рыбак Северного флота Сеня Шалай хочет «списаться на берег» и жениться, но девушка ему отказывает, деньги, полученные за последний рейс, у него крадут — и он вынужден снова идти в море. Траулер попадает в шторм и дает течь, в какой-то момент экипаж отчаивается, но потом видит, что рядом терпит крушение другое судно. И команда принимает решение попытаться спасти моряков. Это очень достоверный, правдивый и красивый текст, красивый не барочными излишествами, но основательной конструктивистской строгостью. Он лишен публицистической назидательности «Верного Руслана» и историзма «Генерала и его армии», но рассказывает о быте северных моряков и их психологии, о том, что иногда, чтобы спастись самому, нужно попытаться спасти других. И вот это принятие ответственности на себя и становится точкой бифуркации, после которой жизнь пойдет совершенно иначе.

«Сперва мы только присматривались, как другие ловят, штурмана поглядывали в бинокли, потом и сами начали поиск. Но весь день не везло нам, эхолот одну мелочь писал, реденькие концентрации, до ужина мы так и не выметали. Теперь лежи и жди — хоть до полночи, а то и до двух, — а спать нельзя, да и сам не заснешь.

Всегда мы молчим в такие минуты. Даже салаги отчего-то прижмались, то они все перешептывались. Наше настроение им передалось. А какое у нас настроение, перед первой выметкой, — этого я вам, наверное, не объясню. Пароход носится зигзагами, переваливает с галса на галс, и вот-вот поднимут нас, как по тревоге. Видели вы спортсменов перед кроссом? Хочется им бежать? А ведь никто не гонит их. Вот так же и мы. Но только все, что было до этого, — переход там, порядок набирали, притирались друг к другу, — все это были шуточки, а вот теперь-то главное начинается.

Волна била в скулу, разлеталась и шипела на палубе, переборки тряслись от вибрации. И сразу — утихло. Даже отсюда слышно стало, как ветер свистит в вантах. Потом винт залопотал, взбурлил, и кубрик опять затрясся — дали реверс».

ПАВЕЛ СЕЛУНОВ, «РАГНАРЁН, ИЛИ ПОПЫТКА ПРИСВОИТЬ МИР» («АЛЬПИНА.ПРОЗА»)

Павел Селунов — один из немногих современных прозаиков, известных именно своей короткой прозой. Селунов пишет только рассказы, иногда по несколько в день, это его жанр, в котором ему комфортно и не тесно. И рассказы у него — разные, есть нарочито

легкие, ироничные, есть сюжетные, динамичные, есть горькие, наполненные саморефлексией, едва ли не исповедальные. Герой Селукова, как и герой Лимонова, конечно, не тождествен автору, но предельно близок к нему, порой до полного неразличения. Можно пытаться гадать, «правда» ли то, что описано в том или ином тексте, — можно, но совершенно бессмысленно, потому что во всех этих текстах есть та самая художественная достоверность, которая в литературе отменяет все прочие правды. Если читатель верит, значит — правда. И не имеет абсолютно никакого значения, происходили ли эти события в реальности, велись ли такие диалоги, носилась ли такая одежда, употреблялось ли все то, о чем рассказывает нам писатель. Сборник «Рагнарёк» построен по принципу эмоциональных качелей. Или русских горон — автор сперва забалагурит и рассмешит вас, чтобы потом внезапно выбить почву из-под ног и низвергнуть в Мальстрем сострадания и ужаса. Прекрасная демонстрация того, что малая проза может быть большой литературой.

«Когда она открыла багажник, увидела мою разбитую голову и неглубокую яму с красноречивой лопатой поблизости, то сразу позвонила в полицию. Я не успел ей ничего объяснить, потому что пинки меня утомили, и я снова впал в забытие. Окончательно мы с Димой проснулись в полицейском участке на Подлесной. Естественно, в разных камерах. Наши попытки логично объяснить следователю действительные события злополучной пьянки встретили бетон непонимания. Этот бетон нам удалось преодолеть только через сутки, когда оперативники привезли Димины стихи и столешницу, о которую я разбил голову. Более тупых диалогов, чем те, что происходили со мной на Подлесной, я не слышал никогда. С Димой мы больше не выпиваем. Он понял, что мне не нравятся его стихи, а я понял, что он не готов нести ответственность за мое убийство. Я решил, что больше ни за что не буду пить... портувейн за пятьдесят девять рублей».

ГЕОРГИ ГОСПОДИНОВ, «ВРЕМЕУБЕЖИЩЕ» (POLYANDRIA NO AGE)

Редкий представитель современной болгарской литературы на российском книжном рынке, лонг-листер Букеровской премии этого года и лауреат Angelus и Strega. Роман о загадочном Гаустине, открывшем медицинский центр «Возвращение прошлого». На разных этажах тут создано то самое времеубежище, что вынесено в название, — смоделированы разные десятилетия прошлого вена, чтобы наними-то деталями зацепить уже отжившие воспоминания клиентов и затормозить развитие Альцгеймера. Однако в какой-то момент что-то идет не так: спрос на 50-е годы зашкаливает. Причем это запрос от людей, которые родились позже, но ностальгируют по неслучившемуся для них прошлому, в котором спокойней, понятней и предсказуемей, чем в будущем. «Времяубежище» — это книга о поиске точки стабильности, о памяти и попытке бегства назад, поскольку стоять на месте невозможно, а бежать вперед страшно.

«Звезды над нами сияют по-кантониански холодно, нравственный закон где-то затерялся. Рабочие продолжают возводить мавзолей Георгия Димитрова из каких-то легких материалов, и завтра наверняка он будет готов. (Все-таки в 1947 году его построили из крепкого, непробиваемого цемента всего за шесть дней. В 1992-м понадобилось семь дней, чтобы его разрушить.)

Мы проходим мимо, и К. (не удержался!) кричит:

— Ребята, а кого внутрь положим?

Некоторые рабочие обернулись, грозно посмотрели на него, но промолчали. Мы уже прошли, когда кто-то из них громко сказал нам вслед:

— Смотри, чтобы это был не ты».

НСЕНИЯ БУРЖСНАЯ, «ПУТИ СООБЩЕНИЯ» (INSPIRIA)

Третий роман Нсении Буржсной «Пути сообщения» по первоначальной авторской задумке должен был называться «Сочельник». И дело тут, конечно, не только в том, что очень важные его события происходят именно в этот день. Сочельник — это порог, ожидание, после которого наступает что-то очень важное и — изначально — очень светлое. Но не в этом романе. В «Пути сообщения» (итоговое название подходит тексту не меньше) две части и две сюжетные линии. Первая отнесена к 1936 году, вторая — к 2045-му. В обеих частях главная героиня — Нина, только если в XX веке это сотрудница Наркомата путей сообщения, жена крупного чиновника, то сто с лишним лет спустя — это искусственный интеллект, который к этому времени научился не только «думать», но и «чувствовать». Оказывается, что обе героини в условиях тоталитарного государства способны на отчаянные, даже жертвенные поступки ради любви и спасения другого. Роман Нсении Буржсной о том, что мы так и не научились извлекать уроки из нашего личного и коллективного прошлого, о том, что каждый раз мы начинаем с чистого листа и сами принимаем сложные решения. О хрупкости нашего мира и счастья, о том, как много факторов на него влияют и рушат. И о теории малых дел: когда речь идет о спасении человеческой жизни, малых дел не существует.

«Дома она уложила Владика в постель и распахнула окно, чтобы он не взопрел. Остаться было нельзя: они знают, как ее зовут, и еще придут — не сегодня, так завтра. Генриха дома не было: праздновал с руководством, и это к лучшему. Нина вытащила чемодан и быстро начала собираться. «Передам сообщение через Евгешу», — думала она, сваливая в чемодан что попало: кофты, брюки, юбки и зачем-то кимоно. Никакой системы в этом не было — хаос рос внутри Нины, как река, вышедшая из берегов. Она вскочила, оставив окно открытым.

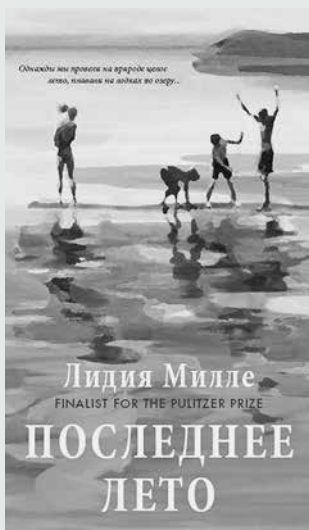
В опустевшей комнате стало тихо, с шорохом падал и таял снег. Выбравшись из теплого чулана, Натка прыгнула на подоконник и долго водила носом, вдыхая морозный звенящий воздух. Потом прицелилась — и растворилась в ночи, полоснув по воздуху рыжим хвостом».

ЛИДИЯ МИЛЛЕ, «ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО» («СИНДБАД»)

Антиутопия о том, как летний отдых превращается в Апокалипсис. Двенадцать детей отдыхают на берегу озера со своими родителями, но где чья мама и папа, понять невозможно: взрослые ведут себя настолько безобразно, что дети придумали игру, суть которой в том, чтобы не выдать, чьи они. Обрушившийся на побережье шторм перерастает в настоящую катастрофу и запускает процесс стремительной энтропии.

Взрослые не способны взять на себя ответственность за выживание, их путь — упадничество, эснапизм, разложение. Ситуация, которая должна объединять, на деле предельно разобщает детей и родителей. Подростки вынуждены решать свои (и чужие) проблемы самостоятельно — как в романе Аленсандры Шалашовой «Салюты на той стороне», речь о котором шла в одном из прошлых обзоров.

У Милле символом будущего становится маленький мальчик, читающий детскую Библию: он и Пророк, и надежда для всех, кто пытается выжить в чудовищных условиях мора. Он толкует Священное Писание и делает вывод, что Отец — это природа, Сын — это наука, а Святой Дух — это искусство. Святая Троица, которая должна помочь людям выжить, если они

наконец что-то поймут. Взрослым не удалось: может быть, у детей получится?

«Они всегда были тут, с трудом продираясь сквозь туман в голове, думала я, и всегда хотели быть чем-то большим, чем стали. Они же вроде калеки, поняла я. Каждый человек, взрослея, превращается в инвалида – физически или ментально. И тащит за собой ворох проблем, словно сломанную конечность. Все они – люди с особыми потребностями.

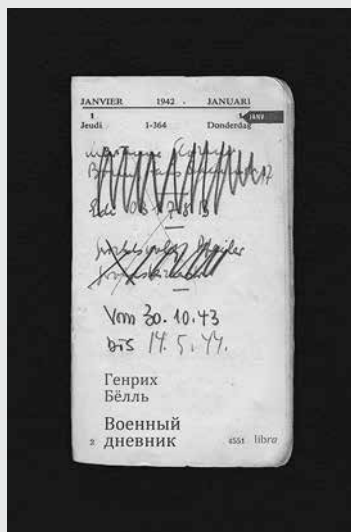
Если помнить об этом, злость уходит.

Они жили надеждами на внезапную удачу. Но, так и не дождавшись от судьбы подарка, видели лишь, как утекает время. И так и остались самими собой.

Но все-таки они хотели быть другими. Теперь я постоянно буду держать это в голове, сказала я себе, бредя обратно в сарай. Память о том, кем человек хотел стать, но не стал, остается с ним навсегда. Преследует его всю жизнь».

МЮРИЕЛЬ БАРБЕРИ, «ЧАС ОТКРОВЕНИЯ» («АЗБУНА-АТТИКУС»)

Новый роман писательницы, прогремевшей книгой «Элегантность ежина». «Час откровения» — не прямое продолжение предыдущего романа «Только роза», вместе они составляют дилогию, в которой каждая из частей заполняет лануны другого, составляя общее полотно. Героиня «Только розы» Роза приезжала в Японию, чтобы обрести собственную идентичность, найти свои корни в стране, где жил ее ныне покойный отец, которого она совсем не знала. В «Часе откровения» фокус смещен как раз на фигуру отца, именно он протагонист этой истории. Хару Уэну, отец Розы, торговец современным японским искусством из Киото, наделенный

врожденным чувством прекрасного и вынужденный много лет любить дочь на расстоянии, не приближаясь, не тревожа, не присутствуя в ее жизни. Она оказывается, для того, чтобы она приехала к нему, ему нужно было умереть. Роман о разнице восточного и западного менталитетов, о традициях и современности, о красоте, которая объединяет всех нас.

«Направившись в Куродани, он прошел между могил и наконец добрался до верха лестницы. От расстилавшегося под его ногами города поднимался глухой гул и звуки сирен. Слева в отдалении виднелась обзорная башня – самое высокое здание не признающего небоскребов старинного города – с ее нелепыми очертаниями металлического гриба: белой ножкой и круглой ярко-красной верхней платформой. В центре самым ярким в легком тумане световым пятном горели окна отеля “Окура”, второго по высоте здания в Киото. Справа вдали, карабкаясь на горные отроги, располагались дома современных кварталов. То тут, то там, затерянные в океане бетона, маяками выделялись крыши храмов. Все остальное тонуло в неоновой зыби. Хару долго смотрел на эту смесь уродства и благости».

ИТО ОГАВА, «КАНЦТОВАРЫ ЦУБАКИ» (POLYANDRIA NO AGE)

Двадцатипятилетняя Хатоно — каллиграф и мастерица юхицу: она пишет письма за других, как антриса, вживаясь в разные образы. Раньше это было необходимостью, но и сейчас в лавке канцтоваров, где трудится девушка, время словно остановилось: клиенты приходят, работа есть всегда. Для писем бывают разные поводы — радостные и печальные, романтические и официальные — и материалы для письма под каждый повод свои, особенные. Неспешный, по-японски медитативный роман о жизни, умении создавать ритуалы и наслаждаться ими, видеть красоту

в обыденном и повседневном. Переводчик Дмитрий Новаленин в предисловии определяет для себя этот роман как книгу о призраках писем, которые мы видим как разный почерк. Письма, с которыми мы сталкиваемся в жизни, написаны разными людьми, некоторых из них давно нет в живых, но письма остались с нами. В умении переселяться в чужие почерки — то есть отчасти проживать чужие жизни — и есть подлинное мастерство Хатоко, каллиграфа из Намануры.

«Может быть, осень – то самое время года, когда хочется написать кому-то письмо?»

Вот и у нашей конторы заказов на письма все больше.

Как правило, это письма о том, что заказчик затрудняется высказать вслух, а потому решает изложить на письме: любовное прощание, просьба принять пожертвование, сообщение о потере работы, покаяние за пьяную выходку в кабачке и так далее.

Во всей этой веренице деликатных поводов и причин обычное, ни к чему не призывающее письмо – случай редкий и по-своему любопытный.

– Значит, просто письма вы тоже пишете? – повторяет свой вопрос Сонода-сан. – Я просто хотел бы сообщить кое-кому, что все еще жив...»

ГЕНРИХ БЁЛЛЬ, «ВОЕННЫЙ ДНЕВНИК» (LIBRA)

Три небольшие записные книжки военных дневников лауреата Нобелевской премии по литературе Генриха Бёлля в переводе Егора Зайцева. Записи очень краткие, делавшиеся на ходу, часто не предложения даже, а словосочетания, опорные слова, проблесни, маячки. Писателя призвали на военную службу в 1939 году, он вел дневники все это время, но впоследствии записи до октября 1943 года оказались утрачены. Эти краткие заметки — едва сдерживаемый крик о ненависти к войне, о чуждости войны человеческой природе. Писатель словно захлебывается своими словами, почти все они с восклицательным знаком. Издатель Александр Филиппов-Чехов пишет в предисловии о том, что намеренно отказался от комментариев и справочного аппарата, чтобы эти дневники оставались интимным, человеческим документом эпохи, а не предметом исторического препарирования: «Нам хотелось представить читателю другого Бёлля, не признанного классика европейской послевоенной литературы, но искреннего, до боли честного с самим собой юношу, любящего, верящего, отчаявшегося, но полного надежд».

«27.4.44

Вторая телеграмма!

Проходил мимо марша!

Собирал дрок!

Разговор с обер-лейтенантом Рамратом, никогда не забыть!!!

Потом опять собирали дрок с ужасным упрямым капю. Возвращение после в!

*Второй разговор с господином обер-лейтенантом Рамратом. Не забыть!
Получил обходной лист, суета, спешка, паника и давка во время воздушной тревоги!*

Господа дежурные ефрейторы

Уборка кабинета писаря

Цветы!

Печная труба!

Побег из казармы!»

ТОРВАЛЬД ТОРСТЕЙНССОН, «БЛИДФИНН.
ЧЕТЫРЕ ПУТЕШЕСТВИЯ В НЕИЗВЕСТНОСТЬ»
(«ПОЛЯНДРИЯ»)

Исландскую литературу (нак, впрочем, и скандинавскую) невозможно не узнать с первой же страницы. Медленная, медитативная, аллегоричная проза, которая одновременно обладает двумя взаимоисключающими характеристиками: это литература, построенная по принципу герметичного текста (герои, как правило, сказочные существа, живут обособленно, общаясь с весьма ограниченным кругом лиц), но при этом действие разворачивается не в замкнутом пространстве, а на бескрайнем ландшафте, повествование всегда вписано в природу, герои не просто живут на природе, они ее неотъемлемая часть. Похожий принцип построения текстов и подход к изображению персонажей у Руне Бэлсвика в серии про простодурсена. Блидфинн — сказочное существо, очень маленькое, похожее на эльфа и на насекомое одновременно.

Истории, или, как называет их автор, путешествия, представляют собой сказочные новеллы, близкие по духу к притчам, но не имеющие прямо сформулированной морали в конце. Это истории, знакомящие детей с темами взросления и старости, изменениями в человеческом мировосприятии с течением жизни, это книги о принятии смерти как неизбежного финала любой жизни и любви, которая не заканчивается и после смерти.

«— Ты знаешь не все! Пусть ты и Мудрец! Я тебе докажу! Я найду Ребенка! — Блидфинн не на шутку рассердился и впервые в жизни не побоится показать гнев. Это было здорово.»

Блидфинн спланировал, описав величественную дугу, в траву, к Мелочи, который пребывал вне себя от радости. Он предвкушал, что вот-вот начнется приключение. Путешествие. В неизвестность. А может, и дальше.»

НАТЕРИНА ГОРЕЛИК, «ДЕТЕТИВ САМСОН» («ПОЛЯНДРИЯ»)

Великолепный виммельбух Екатерины Горелик о псе-детективе Самсоне, который распузает все сложные дела в городне: найдет очни Чрота, пропавших котят и недостающие детали для изобретения профессора Землероя. Нан всегда в виммельбухах, тенста здесь почти совсем нет, все нужно найти читателю самостоятельно (или при помощи родителей) на детально и красочно прорисованных разворотах. Снучно точно не будет: минимум час внимательного рассматривания гарантирован.

МАЛИН НОЙМАНН, «ТРОЛЛИ, ГНОМЫ, ПИНСИ И ЛЕСНЫЕ СУЩЕСТВА СО ВСЕГО СВЕТА» («ПОЛЯНДРИЯ»)

Нраткая, но очень содержательная (и красивая) книга о мифологических существах разных стран. В ного верили люди в разных концах света, нем были населены их леса? Нан зовут маленьких древесных существ лесов Северной Америки? Нто такие мудрые растения Амазонни? Наное имя носит мировое древо, которое имеет особое значение для шаманов? Наной древесный дух помогает заблудившимся в лесах Северо-Шотландского нагорья детям? Наних видов бывают датские гномы ниссе? Нто играет чарующие мелодии на флейте в Италии? Нан зовут китайскую птицу феникс, которая символизирует баланс всего на свете? Малин Нойманн написала книгу для детей, из которой даже взрослые узнают много нового.

«Ужасный зверь безобразничает в лесах австралийских Голубых гор. Его длинные руки почти достают до земли, а огромное тело покрыто густой шерстью. Люди то и дело замечают лохматое чудовище, а сотни лет назад аборигены, коренные жители Австралии, слагали о нем легенды. Они

назвали его ЙОВИ – “волосатый дьявол”. Однако сам йови даже не подозревает о своем устрашающем виде. Бояться его не стоит. Миротлюбивый и застенчивый, он избегает цивилизации и питается в основном корой эвкалипта».

ЕВГЕНИЙ РУДАШЕВСКИЙ, «ЗВЕРЬ 44» («КОМПАСГИД»)

По-настоящему жуткая антиутопия от постоянного автора «Компас-Гида», писателя и путешественника, лауреата премий «Нига года», «Нигуру» и Премии имени Крапивина — это чтение для старших подростков с очень крепкими нервами. Потому что даже взрослому после прочтения жутковато. Действие в романе разворачивается в некоем условном мире, как это часто бывает в антиутопической литературе, о котором мы знаем только то, что он уже долгие годы охвачен войной. Наступают то одни, то другие, и конца этому, кажется, не будет никогда. Герои этой книги служат на «Звере 44» — огромном передвижном крематории, работа не из приятных. Но они знают, что где-то есть другая жизнь, в которой у многих из них есть семьи. И может быть, через несколько месяцев службы их отпустят домой. Может быть. Книга жуткая уже с первых страниц, но настоящий кошмар припасен писателем под конец, когда читателю обманчиво кажется, что уже все, что сейчас он спокойно дочитает текст и будет его обдумывать. Но у Евгения Рудашевского припасен в рукаве козырь из старших. Сильный, страшный и необходимый сегодня текст.

«Мы так и работали вдвоем. Лешего пузыри не интересовали. Он отправился обыскивать богатые дома, и я слышал, как Леший выламывает замки и разбивает окна. Фара сидел на крыльце и вносил записи в букварь, то есть в книгу учета. Он единственный справлялся с этой задачей. Открыв букварь, делался серьезным, почти суровым, и не верилось, что полчаса назад он доставал всех нитьем. А Сивый пропал. Заблудился, пока искал пятую улицу. Ну конечно! Чтобы Сивый – и не заблудился? Хотел бы я знать, чем он занимается, когда вот так пропадает».

